

**YEREVAN STATE UNIVERSITY
ENGLISH PHILOLOGY CHAIR**

ARMENIAN ASSOCIATION FOR THE STUDY OF ENGLISH

**LANGUAGE AND LITERATURE IN
THE CONTEMPORARY PARADIGM
OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE**

SCIENTIFIC JOURNAL

9

Yerevan
“Lusakn”
2018

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ԱՆԳԼԻԱԿԱՆ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ԱՄԲԻՈՆ

ԱՆԳԼԵՐԵՆԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԱՍՈՑԻԱՑԻԱ

ԼԵԶՈՒՆ ԵՎ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ
ԳԻՏԱԿԱՆ ԻՄԱՑՈՒԹՅԱՆ
ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՀԱՐԱՑՈՒՅՑՈՒՄ

ԳԻՏԱԿԱՆ ՀԱՆԴԵՍ

9

Երևան
«Լուսակն»
2018

Հանդեսը հրատարակվում է ԵՊՀ գիտական խորհրդի որոշմամբ
The Journal is published by the decision of YSU Scientific Council

Գլխավոր խմբագիր՝ Ս. Գասպարյան, բ.գ.դ., պրոֆ., ՀՀ ԳԱԱ քրթակից անդամ,
ՀՀ Գիտության վաստակավոր գործիչ

Խմբագրական խորհուրդ՝

Ս. Տեր-Մինասովա, բ.գ.դ., պրոֆ.

Ա. Զորջի, բ.գ.դ., պրոֆ.

Ս. Հարությունյան, բ.գ.դ., պրոֆ.

Լ. Մաթևոսյան, բ.գ.դ., պրոֆ.

Ն. Հարությունյան, բ.գ.դ., պրոֆ.

Շ. Պարոնյան, բ.գ.դ., պրոֆ.

Գ. Մուրադյան, բ.գ.դ., դոց.

Գ. Հարությունյան, բ.գ.թ., դոց.

Լ. Կարապետյան, դոց. (պատասխ. քարտուղար)

Գ. Մադոյան, բ.գ.թ.

Editor-in –chief: S. Gasparyan, Doctor of Sciences (Philology), Prof., Corresponding
Member of RA NAS, Honoured Scientist of RA

Editorial Board:

S. Ter-Minasova, Doctor of Sciences (Philology), Prof.

A. Giorgi, Doctor of Philology, Prof.

S. Haroutyunian, Doctor of Philology, Prof.

L. Matevosyan, Doctor of Sciences (Philology), Prof.

Sh. Paronyan, Doctor of Sciences (Philology), Prof.

N. Haroutyunyan, Doctor of Sciences (Philology), Prof.

G. Muradyan, Doctor of Sciences (Philology), Associate Prof.

G. Haroutyunyan, Doctor of Philology, Associate Prof..

L. Karapetyan, Associate Prof. (executive Secretary)

G. Madoyan, Doctor of Philology

Լեզուն եվ գրականությունը գիտական իմացության ժամանակակից հարացույցում:
Գիտ. հանդես. – Եր.: Լուսակն, 2018. - 212 էջ. *Հանդեսը ընդգրկում է բանասիրական գիտելիքի հինգ հիմնական բնագավառ՝ լեզվաբանություն, լեզու. ու մշակույթ, թարգմանաբանություն, գրականագիտություն, նաև դասավանդման մեթոդիկա:*

Language and Literature in the Contemporary Paradigm of Scientific Knowledge.
Scientific Journal. – Yerevan: Lusakn, 2018. - 212 p. *The Journal covers five basic spheres of philological knowledge: Linguistics, Language and Culture, Translation Studies, Literature Studies, as well as Language Methodology.*

© Ս. Գասպարյան, 2018 թ.

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

ՏԱՐԱԾԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՓՈԽԱԲԵՐԱԿԱՆ ԻՄԱՍՏԸ ԱՆԳԼԵՐԵՆՈՒՄ.....	8
<i>Նաիրա Մկրյան</i>	
ԳԵՆԴԵՐԱՅԻՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ԺԱՍՏԱՆԱԿԱԿԻՑ ՀԱՐԱՑՈՒՅՑՈՒՄ	15
<i>Աննա Կնյազյան</i>	
ԳԻՏԱՖԱՆԱՍՏԻԿԱՅԻ ՍԱՐԴԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՌՆՉՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ.....	25
<i>Գայանե Մուրադյան</i>	
ԲՆՈՒԹՅՈՒՆԸ՝ ՈՐՊԵՍ ԲԺՇԿԱԳԻՏԱԿԱՆ ՓՈԽԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԿԱԶՄԱՎՈՐՄԱՆ ՄԿԶԲԱՂԱԲՑՈՒՐ.....	32
<i>Ալինա Պետրոսյան</i>	
ԼՍՏԻՆԵՐԵՆ ՓՈԽԱՌՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԳՈՐԾԱԾՄԱՆ ՅՈՒՐԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԴԻՎԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԼԵԶՎՈՒՄ	40
<i>Արմենուհի Մարտիրոսյան, Մարինե Մկրտչյան</i>	
ԳՈՎԱԶԴԻ՝ ՈՐՊԵՍ ՀՈԳԵԼԵԶՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԵՎ ԷԹՆՈՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԵՐԵՎՈՒՅԹԻ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ.....	47
<i>Ռուզաննա Առաքելյան, Գոհար Հարությունյան</i>	
<i>ԵջրոՒՅԹԻ ԵՎ ԲԱՌԻ ԳԻՏԱԿԱՆ ՍԱՀՄԱՆՈՒՄՆ ՈՒ ԴԻԱՑ</i> ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ	54
<i>Հասմիկ Ղաջոյան</i>	
Մ. ԱԲԵՂՅԱՆԻ ՀԻՆԳ ՀՈՒՈՎԻ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆԸ՝ ՀԱՅԵՐԵՆԻ ՀՈՒՈՎԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԸ ՃՇԳՐԻՑ ԼԵՐԿԱՅԱՑՆՈՂ ԵՂԱՆԱԿ	63
<i>Աստղիկ Մխիթարյան</i>	
ԽՈՍՔԱՅԻՆ ԵՐԳՈՐԾՈՒՄԸ ԱՆԳԼԵՐԵՆ ԱՌՑԱՆՑ ԳՈՎԱԶՂԱՅԻՆ ՄԵԴԻԱՏԵԽՆՈԼՈԳԻԱ.....	69
<i>Համլետ Առաքելյան</i>	
ՆԱԽԱԾԱՆՑՆԵՐԻ ՁԵՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԵՎ ԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ԴԱՍՏԱԿԱՐԳՈՒՄԸ ԺԱՍՏԱՆԱԿԱԿԻՑ ԻՏԱԼԵՐԵՆՈՒՄ, ԱՆԳԼԵՐԵՆՈՒՄ ԵՎ ՀԱՅԵՐԵՆՈՒՄ	76
<i>Մարիամ Գևորգյան</i>	
ԳՈՑԱԿԱՆԱԿԱՆ ԲԱՂԱԴՐԻՉՆԵՐՈՎ ՀԱՄԱԴՐԱԿԱՆ ԲԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՀԱՅԵՐԵՆՈՒՄ ԵՎ ԱՆԳԼԵՐԵՆՈՒՄ.....	88
<i>Միրարփի Կարապետյան</i>	
ԴԱՏԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ՏԵՔՍԵՐԻ ԼԵԶՎԱԿԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ.....	97
<i>Նարե Զորանյան</i>	

ՖԵՆՈԸՉԻ ՈՃԱԺԱՆՐԱՅԻՆ ԴՐՄԵՎՈՐՈՒՄՆԵՐԸ ԹՈՒՔԻՆԻ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ	103
<i>Անի Տեր-Պետրոսյան</i>	

THE FUNCTIONAL INTERPRETATION OF OK? IN ACADEMIC DISCOURSE	111
<i>Nare Hakobyan</i>	

ЯЗЫКОВАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГОВОРЯЩЕГО	123
<i>Марика Тонян</i>	

ԼԵԶՈՒ ԵՎ ՄՇԱԿՈՒՅԹ

ՇՈՏԼԱՆԴԱԿԱՆ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԿՆԱԲԱՆՄԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐԶ	132
<i>Մարիանա Սարգսյան</i>	

ՄՇԱԿՈՒԹՅԱՆ ՈՐՊԵՍ ԼԵԶՈՒ	146
<i>Հասմիկ Մկրտչյան</i>	

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROVERBS WITH THE CONCEPT WOMAN IN ENGLISH AND ARMENIAN	153
<i>Jemma Militonyan</i>	

ԹԱՐԳՄԱՆԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

ԱՇԽԱՏԱՆՔԱՅԻՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՅՆԵՐԻ ՏԱՐԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԳՐԱՎՈՐ Ե ԲԱՆԱՎՈՐ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵԶ	164
<i>Նարե Զաբաղյան</i>	

ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

ՄԵՂԱՎՈՐ-ԱՆՄԵՂ ԵՐԿԱՏՈՒՄԸ Զ. ԶՈՅՄԻ «ԵՐԻՏԱՍԱՐԴ ԱՐՎԵՍՍԱԳԵՏԻ ԴԻՄԱՆԿԱՐԸ» ՎԵՊՈՒՄ	172
<i>Արեգա Համբարձումյան</i>	

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАЛОЙ ПРОЗЫ Р.Л. СТИВЕНСОНА	179
<i>Наталья Гончар-Ханджян, Анаит Акопян</i>	

ТЕМА СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОМАНЕ Т.КАПОТЕ ХЛАДНОКРОВНОЕ УБИЙСТВО	188
<i>Наре Мкртчян</i>	

ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ՄԵԹՈԴԻԿԱ

ԸՆԹԵՐՑԱՆՈՒԹՅԱՆ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ԱՈՍԱԶՆԱՀԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՄԵԴԻԱԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ	200
<i>Մարիամ Առաքելյան</i>	

ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

ТЕМА СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОМАНЕ Т.КАПОТЕ *ХЛАДНОКРОВНОЕ УБИЙСТВО*

Наре Мкртчян

Российско-Армянский университет

Трумен Капоте – один из самых талантливых и неоднозначных фигур в американской литературе XX века. Его творчество выделяется богатым жанровым разнообразием: среди произведений Капоте есть рассказы, готические романы, портретные очерки. Но самым, пожалуй, интересным в жанровом отношении является роман *Хладнокровное убийство*. Жанровая принадлежность этого произведения вызывает множество литературоведческих споров. В данной статье мы обратимся к одному из аспектов этого многогранного романа и попытаемся проанализировать его как проблемный очерк на тему смертной казни.

Ключевые слова: *нон-фикшн, Капоте, американская литература, смертная казнь, социальный очерк.*

Введение

В 60-х годах прошлого столетия “лучший писатель своего поколения” (Clarke 2010) и “гений” (Dunphy 1987) написал книгу, которая расширила рамки журналистики, привнесла в нее больше художественности, а литературу сделала максимально злободневной. Книга тогда уже дала повод заговорить о создании нового течения, которое было названо “новой журналистикой” (Вулф 2008). Сам Капоте называл свое “дитя” (Plimpton 1966) романом нон-фикшн и призывал не путать этот жанр с документалистикой (Plimpton 1966). Со дня выхода в свет *Хладнокровного убийства* и по сей день, полвека спустя, жанр книги вызывает бурные литературоведческие споры. Исследователи выделяют разные признаки и характеристики романа нон-фикшн (С.А. Бозрикова; Е.Г. Мастергази; J. Hollowel; S.R. Waisbord), но то, что однозначно присуще не только произведению Капоте, но и другим лучшим образцам этого жанра, это обращенность к актуальным социальным проблемам.

Капоте в своем романе затрагивает целый комплекс социальных и психологических проблем, но, безусловно, одной из самых важных тем, волнующих человечество во все времена, является тема смертной казни. Особенно для Америки, в которой протестантизм играет огромную роль. И, хотя времена отцов-основателей давно миновали, религиозная составляющая этого вопроса, тем не менее, крайне важна.

Тема смертной казни – именно через повешение – является одной из главных в романе и задается уже в эпиграфе. А эпиграфом к *Хладнокровному убийству* служит четверостишие из поэмы Франсуа Вийона *Баллада о повешенных*.

*Мы жили, как и ты. Нас больше нет.
Не вздумай осуждать – безумны люди.
Мы ничего не возразим в ответ.
Взглянул и помолился, а Бог рассудит.*

Таким образом, Капоте еще до основного повествования задает определенный тон и настроение. Он сразу же расставляет важные для себя акценты, при том, что дальше собирается представить документальное повествование.

Автор делает исторический экскурс, рассказывая историю применения высшей меры наказания в Штатах; представляет отношение разных представителей верующего протестантского сообщества; показывает точку зрения судей, следователей и представителей властных структур. Но что самое главное – Капоте рассказывает историю приговоренных к смертной казни (при этом, ни разу открыто не высказавшись “за” или “против”) так, что его точка зрения оказывается не только понятной, но и вызывает большой отклик.

Хладнокровное убийство как социальный очерк

Роман *Хладнокровное убийство* рассказывает историю двух молодых людей, Ричарда Хикока и Перри Смита, которые познакомились в тюрьме, где оказались из-за мошенничества, и сговорились ограбить зажиточную семью Клаттеров, живущую в провинциальном поселке Холкомб, штат Канзас. Ни один из них раньше не был в Холкомбе и, тем более, не был знаком с Клаттерами. Идеальное, как им самим казалось, ограбление в итоге вылилось в убийство всех членов семьи: Герберта и Бонни Клаттеров и их детей-подростков – Ненси и Кеньона. Через полтора месяца преступников поймали, а через шесть лет казнили. Все время, пока искали преступников, пока шло следствие, пока проходил суд, пока подавались апелляции, Капоте был в самой гуще событий. Он беседовал с местными жителями, свидетелями, друзьями и родственниками убитых, общался со следователями и изучал документацию, а самое главное, он подружился с убийцами. Настолько, что те совершенно откровенно (особенно Перри) делились с писателем своими переживаниями, показывали ему письма родных, дневники, даже рассказывали свои сны. А Капоте на протяжении почти шести лет занимался их случаем и, как это отчетливо видно в книге, питал к ним симпатию.

Именно в силу перечисленных обстоятельств история молодых людей стала не просто поводом убедительно выразить свою позицию относительно смертной казни, а стала для писателя историей еще и очень личной. Противоречивость и сложность была в том, что Капоте как писателю нужна была казнь преступников, чтобы завершить свой многолетний труд, а для Капоте как человека смерть молодых людей стала личной трагедией. (Хотя его упрекали, в частности его близкая подруга, американская писательница Харпер Ли, что он не очень-то и старался спасти их жизни.) Примечательно, что после *Хладнокровного убийства* Капоте так больше ничего не опубликовал. Хладнокровный подход журналиста и

писателя, фиксирующего события, и эмоциональные переживания чуткого и чувствительного человека позволили создать роман-аргумент (Watson) против применения высшей меры наказания.

Тема смертной казни начитает звучать во второй половине повествования, когда, преступники уже пойманы, вина их доказана, и им начинает реально угрожать виселица. Капоте не затрагивает философские или религиозные аспекты проблемы смертной казни, хотя и то, и другое так или иначе фигурируют в повествовании.

Изображая исторический контекст, автор на примере конкретного дела, убийства семьи Клаттер, выстраивает целую полифонию разных мнений и восприятий одной и той же ситуации, одного и того же этического вопроса. Таким образом, мы получаем панорамное видение проблемы. И в этом многоголосье мнений, голос самого Капоте, казалось бы, не слышен. Автор формально отстраняет себя от дела, не представляя себя как очевидца описываемых событий (коим он на самом деле является). Вся его роль, как автора, сводится к монтажу документальных сводок, в которых он, как бы, не принимал участия, но эта непричастность иллюзорна. Капоте использовал несколько тысяч страниц записей бесед с очевидцами и действующими лицами, газетных сводок, писем, документов как детали конструктора, чтобы в итоге собрать книгу и рассказать эту историю так, как он считал правильным. Приведенные в статье аргументы могут показаться не очень убедительными в силу того, что речь идет о романе нон-фикшн и предполагается, что он описывает все, как было на самом деле – ни больше, ни меньше. В этом случае нетрудно впасть в дебри гиперинтерпретации, пытаясь найти затаенные смыслы и символы там, где их изначально не было. Но значение деталей, особенно мелких деталей, на которые Капоте периодически напирает, не преувеличено именно потому, что из упомянутых нескольких тысяч страниц записей, Капоте создал роман на 350 страниц, а значит, ничего случайного, тем более, когда речь идет о повторяющихся деталях и последовательно приводимых выражениях, быть не может. Капоте *создал роман*, основанный на реальных событиях. Это значит, что он в какой-то мере подчинял факты своему художественному замыслу. Но подчинял, не в смысле искажал (хотя не обошлось и без этого), а выбирал из огромного количества материала самые важные и самые интересные для себя детали и монтировал их, создавая целостный нарратив, при этом на сюжетобразующем уровне, исключая себя из повествования. Поэтому в *Хладнокровном убийстве* голос Капоте не слышен, но монтаж показывает не “смерть автора”, а его демиургическую функцию.

Капоте вводит читателя в курс дела, обращаясь к жанру исторического очерка и представляя своеобразную летопись применения высшей меры наказания в штате Канзас, где разворачивается действие книги. Он рассказывает о том, когда была отменена смертная казнь, когда и зачем стала снова применяться, приводит статистику случаев казни и упоминает о людях, которые стояли у власти и руководили этим. Весь этот, казалось бы, чисто информативный отрезок текста следует за фразой: “В соответствии с приговором суда Смит и Хикок должны были

навестить склад¹ через шесть недель: в одну минуту после полуночи, в пятницу 13 мая 1960 года”. На этом история убийства могла бы закончиться, но *Хладнокровное убийство* – это не просто книга об убийстве, а об убийцах, о людях, которые сами стали жертвами убийства (ведь смертная казнь, по сути, не что иное, как убийство, насильственное лишение жизни). Позиция Капоте по этому вопросу более чем ясна, и в этом смысле жертвы убийства Хикок и Смит для него, как для писателя, намного интереснее, чем жертвы Клаттеры. Поэтому после объявления даты их казни, он, якобы отстраняясь от преступников (на визуальном уровне это выражено пустой строкой), дает историческую справку о высшей мере наказания. По форме это отступление сугубо информативного толка, но на лексическом уровне хорошо просматривается позиция автора. Представляя частотность применения высшей меры наказания с 1944-го по 1954-й год, автор говорит, что “ему [палачу] представилось еще девять случаев разбогатеть”. Говоря о том, что в течение следующих шести лет смертные приговоры осуществлялись только в дисциплинарных казармах Армии и ВВС США, Капоте замечает: “... после 1954 года в Канзасе не выписывались счета палачу”. Объясняя перерывы в применении смертной казни, Капоте приводит слова одного из губернаторов Канзаса, который говорил: “я просто не люблю *убивать* людей”.

Интонация простого сообщения фактов о том, в каких штатах каким образом принято приводить в исполнение высшую меру наказания (“Флорида (электрический стул), Теннесси (электрический стул), Иллинойс (электрический стул), Канзас (повешение) и Колорадо (газовая камера)”) вызывает ощущение, что представители закона, “честные” свершители правосудия, как минимум, не менее “хладнокровны” в убийстве преступников, чем сами преступники, а с учетом того, что Перри и Хикок были не совсем вменяемы (по результатам психиатрических исследований), то Капоте приводит читателя к этическому вопросу, а кто из этих людей хуже, кто на самом деле страшнее, кто хладнокровнее убивает?

Еще одна тема, которая волнует Капоте в связи с судопроизводством, это безразличие, даже скорее предубежденность адвокатов и зависимость от общественного мнения. Защитник Хикоча Гаррисон Смит прямым текстом говорит об этом судьбе: “Я не желаю вести это дело, — сказал он судьбе. — Но если суд считает нужным назначить меня, то, само собой, у меня нет выбора”. Налицо предвзятое отношение к делу, тем не менее, он остается в роли защитника. Налицо также зависимость от общественного мнения и подчинение ему: “Кто-то же должен это делать. И я сделаю все, что смогу. Хотя сомневаюсь, что это поднимет мою популярность в этих краях”. В присяжные заседатели принимали людей, которыми руководили предубеждения и которые заранее знали, что решат. Один из потенциальных присяжных заседателей на вопрос об его отношении к смертной казни сказал, что он, “обычно он против смертной казни, однако не в этом случае” (“Ordinarily I’m against it. But in this case, no”). После этого он все равно был принят и допущен к делу. Также предвзят был и прокурор округа Дуэйн Уэст, который заявил корреспондентам: “Если дело будет рассматривать суд присяжных, то после вынесения вердикта я буду требовать от жюри приговорить преступников к

смертной казни. Если ответчики откажутся от права на суд присяжных и будут просить о снисхождении судью, я буду требовать, чтобы судья приговорил их к смертной казни". И даже спустя несколько лет (все это время заключенные ждали казни в камере смертников), когда адвокаты Хикока и Смита отправляют прошение губернатору штата Уильяму Эйвери, которого Капоте описывает как богатого фермера, "чутко прислушивающегося к общественному мнению", не вмешивается в дело, так как считает, что это решение будет "лучше всего отвечать интересам народа Канзаса". Такого рода фразы и заявления, которые разбросаны по всей книге, позволяют создать целостное представление об общественных настроениях и наталкивают на размышления о том, что же "убило" Дика и Перри. При этом автор ни слова не говорит о мстительности, кровожадности и лицемерии жителей Канзаса. Такую позицию Капоте сохраняет касательно всех этических и оценочных пунктов книги.

Нарративные приемы в романе *Хладнокровное убийство*

Для того чтобы подчеркнуть то, что ему важно, и при этом не отходить от роли беспристрастного нарратора, автор выводит на первый план повествования переживания третьих лиц: читатель как бы видит происходящее глазами свидетелей, но на самом деле все эти персонажи – очки, которые автор попеременно одевает на читателя. Иногда, чтобы показать всю драматичность ситуации, автор, вместо того чтобы вдаваться в размышления о самой ситуации, показывает реакцию авторитетных людей. Это прием, который использовал Гомер: чтобы показать, насколько Елена красива, он не описывает ее внешность, а говорит о реакции мудрецов. Капоте очень ярко использует этот прием в сцене казни молодых людей. Писатель, который годами с ними общался, сроднился преступниками, не дает никакой эмоциональной оценки, когда их вешают. Зато он сильно акцентирует внимание на докторе, который присутствует на казни и должен зарегистрировать смерть. Тот плачет. ("Я бы не сказал, что эта работа ему по душе – он хватал ртом воздух, словно задышался, и плакал". "Я думаю, он [доктор] выходил, чтобы никто не видел, что он плачет".) Врач, которого не удивишь ни трупами, ни смертью и который явно не впервые выполняет свои жуткие обязанности, не мог сдержаться. Получается, казнь, действительно, что-то чудовищное и негуманное. Этот момент показателен в диалоге безымянного репортера и одного из охранников, когда последний пытается заверить, что повешенные ничего не чувствуют. На возражения репортера о том, что было слышно, как Дик задышался, охранник отвечает: "Это да, но он все равно ничего не почувствовал. Иначе это было бы негуманно". Оставим без ответа вопрос о том, насколько госслужащий сам верит в то, что говорит, возможно, это самообман, чтобы не сойти с ума или не "хватать ртом воздух", как доктор.

Капоте также использует гомеровский прием, чтобы вызвать симпатию к Перри, который был ему симпатичнее, чем Дик. На этот раз он одевает на читателя "очки" следователя Дьюи. ("... он всегда считал Хикока просто мелким проходимцем, который скатился на самое дно, пустым и никчемным. Но Смит,

хотя именно он был настоящим убийцей, вызывал у него другие чувства, потому что Перри обладал аурой загнанного животного, раненого зверя, спасающегося бегством, и это не могло оставить детектива равнодушным”). Передавая образ Перри через призму восприятия следователя, Капоте обращается к своему любимому приему “зуму”, эмоционально накаляя сцену благодаря концентрации на отдельно взятых деталях. Думая об их первой встрече, Дьюи вспоминал Перри так: “недоразвитый полумужчина-полумальчик сидел на металлическом стуле, и его маленькие ступни едва доставали до пола. И когда теперь Дьюи открыл глаза, он увидел их: те же самые детские ступни, болтающиеся в воздухе”. Уж если следователь, который неделями только и мечтал поймать преступников, который годами следил за этим делом, проникся к убийце симпатией и жалостью, значит, есть в нем действительно что-то, достойное симпатии и жалости. Эту мысль Капоте доносит до читателя, казалось бы, ненавязчиво, но самом деле, практически формируя за него отношение к герою.

Показательной в этом плане является такой персонаж, как бельчонок Перри. Сидя в камере в ожидании суда, он долгое время подкармливал белок остатками своего завтрака и заманил одного сначала за карниз окна, а потом и за решетку. Пери назвал его Рыжиком, и через некоторое время Рыжик не просто стал приходить к нему, а остался жить насовсем, “явно настроенный разделить заточение со своим другом”. Смит дрессировал бельчонка, и он его слушался. Тот факт, что Перри подружился со зверьком, дает определенное представление о мере его простоты, душевности и искренности. А после того, как осужденного перевели в камеру смертников, “бельчонок совсем без Перри заскучал. Все время прибегает в камеру, ищет его. Я пыталась его покормить, но ему до меня нет дела. Он любил одного Перри”.

Любопытно, что в попытке охарактеризовать Перри с хорошей стороны, Капоте представляет его также с ракурса женщины. В Гарден-Сити, куда преступников привозят, чтобы судить, Хикока и Смита поселяют отдельно, чтобы до суда они не могли переговариваться. Таким образом, Перри оказывается в камере для женщин, которая находится в резиденции шерифа и примыкает к его кухне. В резиденции живут заместитель шерифа и его жена, миссис Майер. Когда в камере кто-то сидит, миссис Майер любит переговариваться с ними, хлопоча на кухне. Из всех персонажей книги миссис Майер, пожалуй, самый человечный образ. В то время, когда буквально весь город, от мала до велика, ненавидит убийц и мечтает о том, чтобы их казнили, миссис Майер искренне переживает за них (“Он был в легких летних штанах и старой байковой рубашке. Удивляюсь, как он в такой мороз не схватил воспаление легких. Но вид у него был болезненный”) и проявляет о них поистине материнскую заботу (“Обычно у нас кормят только два раза в день. Завтрак в семь тридцать, основная еда в четыре тридцать. Но я не хотела, чтобы эти друзья легли спать на голодный желудок; я думаю, они и без того неважно себя чувствовали”). Она выпытывает у Перри, какое у него любимое блюдо, и готовит его, часто беседует со Смитом, говорит слова утешения (“Конечно, это все

бредни, и я так ему и сказала — никто ему ничего не сделает, что бы он ни совершил, не такие здесь у нас люди”).

Хотя действие происходит в протестантском городке, в котором религия занимает действительно важное место в социальной жизни (“там принадлежность человека к той или иной церкви – наиболее важный фактор, влияющий на его социальный статус”), только миссис Майер проявляет по отношению к преступникам христианское милосердие. (Капоте особо отмечает, что каждое утро миссис Майер начинается с чтения главы Библии.) Впрочем, другие жители города, в своем гневе и желании покончить со Хикоком и Смитом, тоже ссылаются на Библию и на принцип “око за око”. Мы видим, что помимо родителей Дика и самого Капоте, миссис Майер, пожалуй, единственный человек, сопереживающий преступникам и видящий в них *людей*, совершивших убийство, не просто безликих убийц, которые нарушили покой их “идеального” провинциального мирка и от которых нужно, как можно скорее, избавиться. Общество хочет вытеснить из своих рядов этих нежелательных субъектов (еще задолго до того, как они совершили преступление, может, это и привело к убийству). Слова миссис Майер, сказанные относительно судебного процесса Дика и Перри, выражают суть романа *Хладнокровное убийство* – “Богатых никогда не вешают. Только бедных и одиноких”.

При том, что центральными персонажами *Хладнокровного убийства* являются убийцы семьи Клаттеров, интерес автора к другим персонажам, оказавшимся в схожих ситуациях, показывает, что Капоте волнует тема смертной казни и сама по себе, и в отрыве от главных героев. Одним из таких персонажей, которого автор довольно пристально рассматривает, оказывается Лоуэлл Ли Эндрюс, ставший известным под именем “Милый мальчик”. “Милый мальчик”, которого так окрестила одна из канзасских газет, в 18 лет убил своих родителей и старшую сестру. Капоте довольно подробно описывает историю этого подростка, и она оказывается гармонично вплетена в общее повествование, так как Эндрюс – “сосед” Дика и Перри по камере смертников. Помимо того, что этот молодой человек и его история необычны и интересны сами по себе, Капоте уделяет ему такое внимание, так как его случай дает возможность обратиться к двум важным аспектам в вопросе смертной казни. Во-первых, он представляет два подхода к осуждению психически неуравновешенных людей. Это правило М’нотена и правило Дарэма. Первое гласит, что ответчик не считается сумасшедшим, если он способен отличить хорошее от плохого “в юридическом, а не нравственном смысле”. Во втором же случае обвиняемый освобождается от ответственности, если он совершал противозаконные действия в “результате болезни или дефекта мозга”. Этот момент крайне важен и в случае с Диком и Перри, так как они оба в свое время попадали в аварии, которые не прошли бесследно (как на физическом уровне, так и на психическом). Впрочем, из-за халатности судей и врачей, об этом становится известно слишком поздно. А что касается Эндрюса, то поскольку адвокаты не смогли добиться того, чтобы их подзащитного судили, исходя из правила Дарэма, то Эндрюса казнили.

Немаловажную роль в деле “Милого мальчика” играет священник. С самого момента поимки преступника “на помощь властям” приходит преподобный мистер Вирто К. Дэймерон, которого Капоте описывает как “типичного диккенсовского персонажа”. Он был священником баптистской церкви, которую Эндрюсы регулярно посещали. Будучи человеком, хорошо знакомым и с убитыми, и с убийцей, ему удастся сделать то, чего не могли сделать следователи, – добиться признания. Но на этом роль пастора не ограничивается. Он является на суд в качестве свидетеля обвинения и, будучи хорошим оратором, склоняет суд к тому, чтобы они предпочли все-таки правило М’нотена. На это Капоте весьма язвительно замечает: “Очевидно, преподобный Дэймерон твердо считал, что молодой Эндрюс должен ответить не только перед Всевышним, но также и перед временными его представителями, поскольку именно его свидетельские показания вкупе с признанием ответчика решили исход дела”. Помимо Эндрюса, у Дика и Перри в камере смертников были и другие соседи, и поскольку убийцы Клаттерров довольно долго ждали казни, то состав жителей камеры смертников периодически обновлялся.

Фон тюрьмы дает автору возможность, говоря о конкретных людях (сокамерники, работники тюрем) и их историях, представить обзорную картину криминальной жизни США 60-х годов. Заодно, как бы между делом, он поднимает вопрос условий содержания заключенных в американских тюрьмах. Эта информация подается под видом “репортажа с места событий”, как сведений, необходимых для представления общей обстановки, но поданных настолько ярко, что неизбежно запоминаются и воздействуют на эмоциональном уровне. Создавая свой нон-фикшн роман, Капоте выступал не только в роли монтажера, который склеивает и переставляет сцены, но и оператора, который делает раскадровку. В сценах, описывающих тюремную жизнь, автор сосредотачивается на деталях и использует “крупные планы” и средства художественной выразительности (в частности, сравнения). Например, “В южном секторе тюремного комплекса располагается любопытное маленькое здание: темное двухэтажное строение, по форме напоминающее гроб”. “Окна камеры – очень узкие и не только забраны решетками, но еще и завешены провололочной сеткой, черной, как вдовье покрывало...”. “Ржавая железная дверь в стене, которая видна смертникам, каждый раз, открываясь, вспугивает голубей своим нестерпимым визгом и скрежетом. Дверь ведет в пещеру складского помещения, где даже в самый теплый день сыро и промозгло”. “... в камере обычно так же серо, как в океанских глубинах”.

Социальное значение романа *Хладнокровное убийство*

Тема применения смертной казни актуальна до сих пор, особенно в США. Согласно данным американской некоммерческой организации Death Penalty Information Center (Информационный центр по смертным приговорам) смертная казнь разрешена законом в 31 штате Америки (по данным на ноябрь 2016 года), в том числе и в Канзасе. Но тут необходимо оговориться: хотя смертная казнь в

Канзасе до сих пор не отменена, но, начиная с 1965 года, в этом штате не было осуществлено ни одной смертной казни. Согласно официальным данным Death Penalty Information Center, после Ричарда Хикока и Перри Смита в том же 65-м году казнили еще двоих – Джорджа Йорка и Джемса Латама. В *Хладнокровном убийстве* эти персонажи тоже появляются. Капоте рассказывает их историю в связи с тем, что их привели в камеру смертников во время пребывания там Дика и Перри. Все четверо присутствовали на казни “Милого мальчика”. История парочки Йорк – Латам во многом повторяет историю Хикок – Смит, хотя мировоззренчески эти преступники сильно отличаются. Йорк и Латам до сих пор последние, кого казнили в штате Канзас.

Обратим внимание, что 1965-й – это год издания первой журнальной публикации *Хладнокровного убийства*. Мы не беремся утверждать, что это заслуга Капоте и его гениальной книги. Но учитывая, какой общественный резонанс вызвало *Хладнокровное убийство* (в первую очередь в Канзасе, как месте действия), не будет преувеличением сказать, что до общественности дошел тот социальный “месидж”, который вложил Капоте в свое произведение. Тем более, что на публике писатель часто высказывался на эту тему и даже дал практическое часовое интервью Уильяму Ф. Бакли на тему смертной казни, в котором, в частности говорил, что при правильном применении смертная казнь могла бы быть хорошим сдерживающим фактором против жестоких преступлений, а пока это маскарад, в котором людей выбирают и казнят в произвольном порядке, по его мнению, смертную казнь лучше вообще отменить. (“I’m not being a proponent for the death penalty. Don’t misunderstand what I’m saying. I’m saying that if the death penalty were imposed a genuine and authentic way, I think that it would be effective deterrent against violent crime, but since it’s not, and in fact it’s a masquerade in which people are cruelly selected, very arbitrarily and occasionally executed, I think it should be completely abolished” (F. William; Jr. Buckley). В своем “Автопортрете”, сделанном в виде вопросов самому себе и ответов, Капоте также вполне однозначно выражает свою позицию:

В: Что тебя возмущает? Если есть на свете такое?

О: Намеренная жестокость. Жестокость жестокости ради, физическая и словесная. Убийство. Смертная казнь” (Капоте 2001). Обратим внимание, что убийство и смертная казнь стоят в одном ряду. Принимая все это во внимание можно с большой долей вероятности утверждать, что присяжные заседатели, которые судили преступников в последующие годы, читали и, что важнее, правильно восприняли произведение Трумена Капоте. Следует заметить, тогда книга воспринималась именно как достоверный развернутый репортаж, как нон-фикшн роман, автор хорошо презентовал его в таком качестве.

Заключение

Капоте знал об этом деле больше, чем кто бы то ни было, включая всех действующих лиц. Он был в этом деле чуть ли не самым заинтересованным лицом. Капоте заплатил за этот роман своим физическим и психическим

здоровьем. Он заплатил за это своим даром. Его вовлеченность в трагические события была настолько велика, что писатель так и не смог вернуться к обычной жизни. Со смертью ребят он пережил апокалипсис. Он был как человек, который не смог восстановиться после войны. Человек, сломленный чужой трагедией, хотя (а, может, и потому что) благодаря чужой трагедии он добрался до пика своей карьеры. Его звездный час был ознаменован смертью людей, которые стали его друзьями.

Одной из множества причин, по которым произведение Капоте не теряет своей актуальности и остается востребованным, является то, что писатель говорил об острых темах, которые были предметами дискуссии в середине прошлого века и еще больший резонанс вызывают в веке нынешнем. Капоте разворачивает эту тему на страницах романа с точностью журналиста, дотошностью следователя и талантом писателя. Причем, говорит это настолько талантливо заплетая факты, документы, криминальную хронику, литературные образы и художественный вымысел, что спустя полвека книга до конца не исследована и в силу своей неоднозначности и многогранности вызывает интерес у литературоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. “Навестить склад” на тюремном жаргоне означает пойти на смертную казнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бозрикова, С.А. *Нарративная структура документального романа Т. Капоте “Хладнокровное убийство”*. / (диссертационная работа, на правах рукописи).
2. Вулф, Т. (2008) *Новая журналистика*. С.-П.: Амфора.
3. Мастергази, Е.Г. (2007) *Литература нон-фикшн*. // Non-fiction. Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение:
4. *Death Penalty Information Center*. Available at: <<https://deathpenaltyinfo.org/states-and-without-death-penalty>> [Accessed January 2018].
5. Dunphy, J. (1987) *“Dear Genius ...” A Memoir of My Life with Truman Capote*. New York: McGraw-Hill.
6. *Firing Line with William F. Buckley Jr. Capital Punishment*. Available at: <<https://www.youtube.com/watch?v=2OnHZWLHxVU>> 8:43> [Accessed March 2018].
7. Hollowel, J. (1977) *Fact and Fiction. The New Journalism and Nonfiction Novel*. Chapel Hill: Univ. North Carolina Press:
8. Plimpton, G. (1966) *The Story Behind a Non-fiction Novel*. // The New York Times (January), № 16. Available at: <<https://www.nytimes.com>> [Accessed March 2018].
9. Waisbord, S. (2000) *Watchdog Journalism in South America: News, Accountability, and Democracy*. New York: Columbia University Press.
10. Watson, A. *Capotes’s Bias “In Cold Blood” as an Anti-Death Penalty Argument*. Available at: <http://home.insightbb.com/adamwatson/showcase/capote.html>> [Accessed January 2018].

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Капоте, Т. (2001) *Хладнокровное убийство*. М: Б.С.Г. Пресс.
2. Capote, T. (2000) *In Cold Blood*. UK: Penguin Books.
3. Clarke, G. (2004) *Too Brief a Treat*. New York: Random House.

The Theme of the Death Penalty in T. Capot's Novel *The Cold Blood*

Truman Capote is one of the most talented and ambiguous figures in American literature of the 20th century. His works are distinguished by a rich genre variety: among the works of Capote there are stories, Gothic novels, portrait essays. But the most interesting in the genre attitude perhaps is the novel *In Cold Blood*. The genre belonging of this work causes a lot of literary disputes. In this article, we turn to one of the aspects of this multifaceted novel and try to analyze it as a problematic essay on the death penalty.

Մահապատժի թեման Թ. Կապոտեի *Սառնասրտորեն* վեպում

Թրումեն Կապոտեն XX դարի ամերիկյան գրականության ամենատաղանդավոր ու ամենավիճելի կերպարներից է: Նրա արվեստն առանձնանում է հարուստ ժանրային բազմազանությամբ: Կապոտեի ստեղծագործությունների շարքում կան պատմվածքներ, գոթական վեպեր, դիմանկարային ակնարկներ: Սակայն ժանրի առումով, թերևս, ամենահետաքրքիրը *Սառնասրտորեն* վեպն է: Այդ ստեղծագործության ժանրային պատկանելիությունը բազում գրականագիտական վեճերի առարկա է: Հոդվածում անդրադարձել ենք այդ բազմակողմանի վեպի մեկ ասպեկտին և վերլուծել այն որպես մահապատժի թեմայով հասարակական ակնարկ:

Մեր հեղինակները

Ալինա Պետրոսյան – ԵՊԲՀ օտար լեզուների ամբիոնի դասախոս, բ.գ.թ.
Էլ. հասցե՝ alina.petrosyan@yahoo.com

Անահիտ Հակոբյան – ԵՊՀ արտասահմանյան գրականության ամբիոնի ասպիրանտ
Էլ. հասցե՝
anahit.hakobyan1988@yandex.ru

Անի Տեր-Պետրոսյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դասախոս
Էլ. հասցե՝ aniterpetrosyan@ysu.am

Աննա Կնյազյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դոցենտ, բ.գ.դ.
Էլ. հասցե՝ annaknyazyan@ysu.am

Աստղիկ Մխիթարյան – Վաղարշապատի Մ.Գորկու անվան հ.5 ավագ դպրոցի ուսուցչուհի
Էլ. հասցե՝ asto7@rambler.ru

Արեգա Համբարձումյան – ԵՊՀ արտասահմանյան գրականության ամբիոնի ասպիրանտ
Էլ. հասցե՝ orbisenglish@gmail.com

Արմենուհի Մարտիրոսյան – ԵՊՀ դիվանագիտական ծառայության և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի ասիստենտ
Էլ. հասցե՝ arm.martirosyan@ysu.am

Գայանե Մուրադյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դոցենտ, բ.գ.դ.
Էլ. հասցե՝ g.murad@ysu.am

Գոհար Հարությունյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դոցենտ, բ.գ.թ.
Էլ. հասցե՝ goharharutyunyan@ysu.am

Համլետ Առաքելյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի ասպիրանտ
Էլ. հասցե՝ hamlet.araqelyan@gmail.com

Հասմիկ Ղաջոյան – ՀԱՊՀ օտար լեզուների ամբիոնի դասախոս
Էլ. հասցե՝ hasmikghajoyan@mail.ru

Հասմիկ Մկրտչյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դասախոս
Էլ. հասցե՝ hasmikmkrтчyan@ysu.am

Մարիամ Առաքելյան – ՀՊՄՀ օտար լեզուների դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի հայցորդ
Էլ. հասցե՝ mariamarakelyan89@mail.ru

Մարիամ Գևորգյան – ԵՊԼՀ ընդհանուր լեզվաբանության ամբիոնի ասպիրանտ
Էլ. հասցե՝ miriamgevorgian@gmail.com

Մարիանա Սարգսյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դոցենտ, բ.գ.թ.
Էլ. հասցե՝ marianasargsyan@ysu.am

Մարիկա Տոնյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դոցենտ, բ.գ.թ.
Էլ. հասցե՝ marikatonyan@ysu.am

Մարինե Մկրտչյան – ԵՊՀ դիվանագիտական ծառայության և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի դասախոս
Էլ. հասցե՝ m.mkrтчyan@ysu.am

Նաիրա Մկրտչյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դոցենտ, բ.գ.թ.
Էլ. հասցե՝ nairamkryan@ysu.am

Նատալյա Գոնչար-Խանջյան – ԵՊՀ արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ, բ.գ.թ.
Էլ. հասցե՝ natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

Նարե Հակոբյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի ասպիրանտ
Էլ. հասցե՝ narekaytser@gmail.com

Նարե Մկրտչյան – Հայ-Ռուսական (Մլավոնական) համալսարանի արտասահմանյան գրականության ամբիոնի ասպիրանտ
Էլ. հասցե՝ mkrtchyan.nare@gmail.com

Նարե Չոբանյան – ԵՊՀ թարգմանության տեսության և պրակտիկայի ամբիոնի ասպիրանտ
Էլ. հասցե՝ nare.chobanyan@gmail.com

Նարե Ջաբաղյան – ԵՊՀ թարգմանության տեսության և պրակտիկայի ամբիոնի դասախոս
Էլ. հասցե՝ narejabaghyan@ysu.am

Ջեմմա Միլիտոնյան – ԵՊՀ Իջևանի մասնաճյուղի անգլերեն լեզվի և գականության ամբիոնի դասախոս
Էլ. հասցե՝ jemmamilitonyan@yandex.com

Ռուզաննա Առաքելյան – ԵՊՀ անգլիական բանասիրության ամբիոնի դոցենտ, Բ.գ.թ.
Էլ. հասցե՝ ruzanna.arakelyan@ysu.am

Միրարփի Կարապետյան – ԵՊՀ թարգմանության տեսության և պրակտիկայի ամբիոնի դասախոս, Բ.գ.թ.
Էլ. հասցե՝ sirarpikarapetyan@ysu.am

Ի ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ

«Լեզուն և գրականությունը գիտական իմացության ժամանակակից հարացույցում» գիտական հանդեսը լույս է տեսնում տարին մեկ անգամ: Հանդեսում տպագրվելու համար կարող են ներկայացվել հոդվածներ հայերեն, անգլերեն և ռուսերեն լեզուներով **Sylfaen** տառատեսակով, լուսանցքները՝ 2 սմ, վերնագիրը՝ 14 տառաչափով (աջ կողմում, գլխատառերով, թավատառ), հիմնական տեքստը և ենթավերնագրերը (ձախ կողմում, թավատառ), հեղինակի անուն, ազգանունը (աջ կողմում, թավատառ), աշխատավայրը (աջ կողմում, շեղատառ)՝ 12 տառաչափով, բոլոր տողերի միջև տարածությունը՝ 1.5: Հոդվածին անհրաժեշտ է կցել հայերեն, անգլերեն և ռուսերեն ամփոփագրեր՝ 60-80 բառի սահմաններում, 7-10 բանալի բառեր (հիմնական տեքստի լեզվով), հեղինակի մասին համառոտ տեղեկություն՝ աշխատավայր, կոչում, պաշտոն, էլ. հասցե, հեռախոսահամար (հայերեն):

- Տեքստը բաժանել հետևյալ մասերի՝ ներածություն, ենթաբաժիններ և եզրակացություն:
- Այլ հեղինակների մեջբերումները՝ չակերտների մեջ, որպես տեքստի շարունակություն /եթե կարճ է/ կամ նոր տողից /եթե երկար է/:
- Այլ հեղինակների աշխատությունների վերնագրերը՝ չակերտների մեջ:
- Փաստացի օրինակները՝ շեղատառ, առանց չակերտների: Եթե օրինակները ներկայանում են մեկից ավելի նախադասություններով, առանձնացնել տեքստից՝ վերևում և ներքևում թողնելով մեկական տարածություն: Օրինակի մեջ ուշադրության արժանի բառերը կամ բառախմբերը ներկայացնել թավատառ:
- Տեքստում աղբյուրը ներկայացնել հետևյալ ձևով՝ փակագծերում տալ հեղինակի ազգանունը և հրատարակչության տարեթիվը: Եթե մատնանշվում է էջը՝ տարեթվից հետո դնել հայկական վերջակետ, նշել էջը: Օրինակ՝ (Svartvik 2005) կամ (Bronfen 1992:330):
- Ծանոթագրությունները՝ հոդվածի վերջում, գրականության ցանկից առաջ:
- Գրականության ցանկը ներկայացնել **այբբենական կարգով**՝ խստիվ հետևելով ներքոնշյալ կանոններին՝
հեղինակի ազգանունը, անվանատառերը, (հրատարակման թվականը), աշխատանքի վերնագիրը (շեղատառերով, առանց չակերտների), հրատարակման վայրը, հրատարակչությունը, հայկական վերջակետ:

Օրինակներ՝

- 1.Ջահուկյան, Գ.Բ. (2003) *Շարահյուսական ուսումնասիրություններ*. Երևան: Ստոդիկ հրատարակչություն:
- 2.Eisenstein, E.L. (1979) *The Printing Press as an Agent of Change*. Cambridge: CUP.
- 3.Myer, T. (1997) *The Language of Science*. Available at: <<http://www.sfsite.com>> [Accessed June 2012]
- 4.Redbury, M. (2003) *Language and Discourse*. // Investigations in Linguistics. / Ed. by R.K. Smith. New York: Redgate Inc.
- 5.Svartvik, J. (2005) *A Life in Linguistics*. // The European English Messenger. / Ed. by J.A. Stotesbury. Vol.14 (1). Portugal: Grafica de Coimbra.
- 6.(1998) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: OUP.

- Հոդվածի էլեկտրոնային տարբերակը ուղարկել afajournal@ysu.am էլ. հասցեին:

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան-0025, Ալեք Մանուկյան 1,
Երևանի պետական համալսարան
Հեռախոս՝ (+374 60) 710 546
Էլ. հասցե՝ sedagasparyan@ysu.am, afajournal@ysu.am

«ԳԵՎՈՐԳ - ԳՐԱՅՐ» ՍՊԸ

Հրատարակչություն
Երևան, Գրիգոր Լուսավորչի 6:
Հեռ.՝ (011) - 52.79.74, 055-52.79.74
Էլ. փոստ lusakn@rambler.ru